

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

УДК 316.42

ББК 60.524

© Кандрычын С.В.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ГРАДИЕНТ «ЦЕНТР – ВОСТОК» – НЕЗАКРЫТЫЙ ФРОНТИР РОССИИ

КАНДРЫЧЫН СЕРГЕЙ ВАЦЛАВОВИЧ

кандидат социологических наук, врач-кардиолог, отделение кардиологии

Минская областная клиническая больница

E-mail: kandrycz@yandex.ru

В данной статье исследуются пространственные закономерности в характере распределения комплекса социодемографических показателей по федеральным округам Российской Федерации за 2011 год. В качестве эмпирической базы использованы материалы социальной и медицинской статистики, представленные в официальных публикациях Росстата. Содержание социокультурного пространства отдельных административных регионов оценивалось по комплексу показателей, демонстрирующих неблагополучие социокультурной и духовной сферы. В рассматриваемую группу входили социальные (преступность, число разводов) и медико-демографические показатели (заболеваемость туберкулезом, сифилисом, наркоманией, алкоголизмом, число аборт, смертность мужчин и женщин в трудоспособном возрасте и смертность от внешних причин). Работа выполнена в русле региональных сравнительных исследований (ecological studies). Была использована процедура сравнения и ранжирования федеральных округов по уровню каждого из показателей. Выявлен сочетанный характер межрегиональной дифференциации по всем выбранным показателям, причем на одном полюсе с самыми низкими значениями показателей социального и медико-демографического неблагополучия оказался Северо-Кавказский федеральный округ, а на противоположном – Дальневосточный. Процессы исторической колонизации (освоения) этих периферийных территорий отличались во временном, социальном и этно-демографических аспектах от процессов освоения центральных территорий страны, поэтому для интерпретации различий социокультурного пространства оправдано обращение к историческим оценкам. В качестве обоснования подхода использовались некоторые из положений теории фронта (Ф. Дж. Тернера). Высказано мнение о том, что роль национальных и этно-культурных факторов является определяющей в формировании показателей социокультурной среды Северного Кавказа и отдельных регионов Дальнего Востока (Республика Саха). Данный фактор должен находить соответствующее методологическое отражение в выстраивании всей про-

цедуры межрегионального сравнения. Ключевым моментом работы являлось исследование комплексной полярности между Центральным и Дальневосточным федеральными округами. По всем рассматриваемым показателям ситуация в Дальневосточном регионе более неблагоприятная: наибольшие отличия определялись в уровне заболеваемости туберкулезом – 60,9%, наименьшие в показателях смертности мужчин трудоспособного возраста – 22,2%. Дифференциация в показателях болезней социального неблагополучия по оси «Центр – Восток» предполагает значимость факторов социокультурной среды, сформировавшейся в процессе исторического становления и развития различных регионов России. Высказывается мнение о том, что фактор социокультурного и духовного преобразования остается приоритетным условием модернизации российских регионов.

Сравнительный анализ, медико-социальные показатели, социокультурное пространство, регионы России.

В 1890 году официальный представитель Бюро переписи населения США объявил о закрытии западного фронта – за четверть века более трех миллионов семей расселились по территории Великой Равнины и занялись ее освоением. Несколькими годами позже американский историк Фредерик Дж. Тернер огласил свои тезисы о значимости фронта в истории США и в становлении американской идентичности. Историческая динамика фронта представлялась им как процесс возникновения и повторного воспроизведения в некогда «свободном» географическом пространстве особых культурных и экономических форм [16; 17]. Тернер сформулировал ключевые характеристики фронта, которые в дальнейшем и были положены в основу теории: 1) фронт представлялся как «подвижная граница», т. е. граница без четкой линии, занимающая определенный регион, географический ареал, который формировался на стыке разных культур и цивилизаций. Пространственное положение этого ареала исторически неустойчиво (применительно к США, происходило его постепенное перемещение на запад); 2) по мере перемещения и удаления фронта на территориях, по которым он проходил, возникали устойчивые социокультурные отличия, которые сам Тернер сравнивал со следами геологических отложений в

ходе оледенения; 3) с понятием границы неразрывно связано понятие особого региона (секции), формирование которого зависело от локальных географических условий, а также подвижности и расширения зоны фронта. Соответственно, для каждой из секций характерен особый тип хозяйствования и психологический склад населения. Логическим продолжением этих рассуждений стали представления о «человеке фронта» и целых поколениях – хранителях традиции фронта, которые выполняют функцию исторической ретрансляции культурных и ментальных характеристик, некогда сформированных на ранних этапах становления фронта. Культурная традиция фронта оказывалась буквально «впечатанной» в ментальное поле региона, хотя чаще она находила свое проявление в латентных и неосознанных формах [16; 17].

По отношению к заключительной стадии фронта допустимо суждение о его постепенном «закрытии» или стирании, т. е. достижении того момента развития, когда в ареале бывшей фронтальной зоны происходит формирование специфического социокультурного региона, со всей присущей только ему констелляцией социальных и этнокультурных форм и отношений. Принципы функционирования централизованного государства неизменно требуют того, чтобы любой «фронт

был закрыт». Однако сформированная когда-то в географическом и социальном пространстве бывшего фронта культурно-историческая, а часто и этническая «инаковость» продолжает серийно воспроизводиться.

Массовое переселение на Запад было осознанным движением свободных людей. Перед ними была ясная цель – получить земли и начать их обрабатывать, это движение было проникнуто духом американских свобод. В то время как процессы русской колонизации Сибири и Дальнего Востока имели принципиально иное идеологическое измерение. В этой колонизации участвовали люди, которые бежали от ярма или от острога, служили государю или искали богатств, но все «они рабство несли на спинах своих – то, от чего бежали» [10]. По мнению Т.В. Воробьевой, «развивающий эффект» русского фронта был минимален: на новое место жительства были принесены образцы крепостнического уклада, казаки не стали носителями новых прогрессивных технологий и гражданского самосознания» [4].

Последующий ход истории также не способствовал тому, чтобы на приобретенных землях сформировались какие-то новые формы общественного сознания. В итоге эти земли были заселены и освоены только частично, централизованные попытки стимулировать приток населения, сопровождались не менее интенсивным обратным потоком, а декларации об их «полномасштабном освоении» остались лишь в текстах постановлений партии и Советского правительства. После 1990 года процесс депопуляции отдаленных от центра территорий стал особенно выражен. Сегодня большая часть территории Дальнего Востока и часть Юга Сибири относятся к «депрессивным» регионам с низким потенциалом к модернизации [11; 14]. Общественное сознание пронизано духом авторитарной и патер-

налистской традиции. Исследователи отмечают, что «для успешного развития Дальнего Востока требуются скорее значительные усилия и контроль со стороны государства, центральных и региональных властей, чем ожидание эффекта от самостоятельности и инициатив со стороны проживающего в этом макрорегионе населения» [11]. Одновременно на кризисный и парадоксальный в социальном отношении характер ситуации в регионе указывает сам факт предложения напрямую связывать «спасение» Дальнего Востока с процессом регулируемой внешней миграции [1].

Обоснованным будет указать на особенности этно-демографических процессов в ходе русской колонизации Сибири и Дальнего Востока. Если продвижение американского фронта сопровождалось массовым истреблением коренных народов Америки (т. е. устранением всего того, что мешало освоению новых земель), то русская колонизация не ставила целью обезлюдить новые земли. Это послужило условием формирования в регионе сложной этнической композиции, «более органичной интеграции инородцев» [12], а в последующем обусловило возможность возникновения национальных автономий на некогда колонизированных землях.

В истории было немало примеров, когда сам захват земель и приобретение новых колониальных владений не предусматривал их дальнейшего освоения. Именно как к сырьевому приращению первоначально относилось царское правительство к территориям Сибири и Дальнего Востока, и лишь к концу XIX столетия массовое заселение этих земель было признано «полезным для государства» [12]. О «закрытии фронта» можно говорить лишь с началом хозяйского, рачительного освоения земель и такого же рачительного отношения к человеку, принявшему ре-

шение связать с этой землей свою жизнь. В противном случае ситуация больше напоминает исторически затянувшийся набег Орды или политику европейских колонизаторов в некоторых странах Африки. Кроме гарантий безопасности, для устойчивой оседлости особое значение приобретает формирование соответствующей моральной и духовной атмосферы в обществе, а ее нестабильность или неразвитость подталкивают к восприятию переселения как временного, предусматривающего готовность к миграции (к отходу), стимулирует хищнические формы обращения с природными ресурсами и с другими людьми.

Включение некоторых из аспектов тематики фронта в практику исследования региональной социокультурной динамики сегодня представляется одним из перспективных направлений [3; 12]. Исходно очевиден мультидисциплинарный ракурс данного направления.

Вместе с тем исследователи указывают на ограничения категориального аппарата, отсутствие универсальных трактовок или их чрезмерную широту, затруднения в реализации конкретных исследовательских программ. Среди удачных попыток обобщения критериев фронта, особенно в современном их приложении к проблемам территории Сибири и Дальнего Востока, следует указать на работу И.П. Басалаевой, в которой среди наиболее значимых характеристик автор называет этнокультурную неоднородность групп, их неравную численность и амбивалентно конфликтное взаимодействие; изначальную тендерную диспропорцию в доминантной группе, последующую социокультурную и этническую ассимиляцию; окраинное геополитическое расположение фронтальной территории, центрирование зоны очагами «городской жизни», де-факто колониальный статус территории; отсутствие теоретически

осмысленной целенаправленной региональной политики, номинальный характер государственной власти, ее отличие от таковой в метрополии, рыхлость административно-управленческой структуры, компрадорскую по сути «местную» власть – нерезидент, «административное бесправие» и произвол, а также более высокую, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности; несформированность постоянного (местного) населения [3]. По сути все из перечисленных характеристик оказывают травмирующий эффект на формирование социокультурного пространства, обладают дезинтегрирующим действием, вызывают состояние социального стресса. В связи с этим обосновано предположение о том, что показатели социального неблагополучия и уровень социально обусловленной патологии в историческом ареале фронта будут выше, чем на территориях метрополии.

В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть характер распределения комплекса социальных и медико-демографических показателей по регионам России, взятых в масштабе административных границ федеральных округов. Все из рассматриваемых показателей (заболеваемость туберкулезом, сифилисом, алкоголизмом, наркоманией, насильственная смертность, число абортов, уровень разводов, и преступности) свидетельствует о социальном неблагополучии и духовных болезнях общества. В суммарном выражении они служат интегральной характеристикой неблагополучия социокультурного пространства отдельных регионов. Соответственно, сопоставление федеральных округов по этому комплексу показателей может свидетельствовать об особенностях их социокультурного пространства, своеобразии развития человеческого потенциала и духовного климата. Исходным являлось

положение о том, что указанные характеристики социокультурного пространства будут отличаться в Центральном и Дальневосточном федеральных округах, и направление изменений этих показателей будет отвечать направлению исторической колонизации территории в восточном направлении.

Использование интегрального подхода в оценке пространственно-временного распределения комплекса показателей позволяет высказываться о схожести или различии причинных механизмов и условий формирования разноплановых региональных показателей. Социокультурный механизм детерминации региональной специфики имеет интегральное содержание. Очевидно, что исторически обусловленные особенности социокультурного и метального пространства отдельных регионов следует рассматривать в качестве основной причины, ответственной за разнообразие вариантов дифференциации региональных показателей.

Сравнительный анализ распределения набора социальных и медико-биологических показателей, который проводится на региональном (популяционном) уровне, является уникальным методом исследования. Именно этот метод позволяет оценить интегральное влияние комплекса причин, которые действуют в границах популяций сравниваемых регионов. Оценка этого влияния предполагает использования соответствующего уровня интеграции данных, ведь при переходе к более мелким единицам анализа этот суммарный эффект может становиться незаметным (в связи с гетерогенным характером популяции отдельных регионов, различиями в сборе данных на местах и т. д.). В методологическом ключе это означает, что действие интегральных причин, которое можно наблюдать на уровне крупных популяционных единиц, уже можно не увидеть на уровне более

мелких территориальных единиц. Такое интегральное влияние подразумевает одновременное («диффузное») воздействие целой группы взаимосвязанных факторов на разные звенья процесса формирования показателей, а предлагаемый метод позволяет оценить этот суммарный эффект. Соответственно, следует различать методы исследования пространственного распределения эпидемиологических характеристик по масштабу и характеру сравниваемых территорий. Предлагаемый метод сравнения региональных показателей реализуется в классическом русле «ecological studies» [напр., 15].

В рамках предложенного сравнительного исследования указанные выше медико-демографические показатели использовались как характеристики социокультурного пространства отдельных регионов. Была использована процедура сравнения и ранжирования федеральных округов по уровню каждого из этих показателей.

В методологическом плане подобный подход базируется на предположении о том, что распространение широко известных социальных болезней, таких как туберкулез, венерические заболевания, алкоголизм, наркомания и ряд других, в значимой степени обусловлено влиянием социокультурной составляющей, и ее действие проявляется на фоне эффекта других этиологических механизмов. Есть все основания полагать, что обсуждаемые показатели формируются под действием социокультурных факторов, т.е. демонстрируют суммарный эпидемиологический эффект культурной среды на уровне отдельной личности и всей популяции. Это означает, что социокультурный этиологический компонент, наряду с другими факторами (климатическим, экономическим, и т. д.) является значимым и влияет на формирование рассматриваемого комплекса региональных характеристик.

Представленный подход планирует преодолеть, а в некоторой степени условно игнорировать некоторые из методологических затруднений, которые содержатся в известных трактовках социального неблагополучия регионов [5; 9]. Принимая за основу интегральный характер оценки социального неблагополучия отдельных регионов, указанные авторы предлагают использовать набор показателей, объединяющий факторы экономического, социокультурного, психосоциального и иного содержания, соответственно, указанная интегральность оценок не допускает возможности корректного обсуждения отдельных причинных механизмов.

Очевидно, что основное методологическое затруднение заключается в ограниченной возможности дифференциации эффекта факторов социально-экономического и социокультурного (духовного) содержания. Указанное затруднение допускает возможность параллельного функционирования различных схем интерпретации. Тут можно вспомнить трудности, с какими столкнулись социальные философы эпохи просвещения при попытке объяснить, почему пьянство так широко распространено именно среди низших слоев общества: «то ли эти люди так много пьют потому, что они бедные, то ли они бедные из-за того, что так много пьют». Некоторое подобие в функционировании порочного круга наблюдается и в жизни отдельных (так называемых «депрессивных») регионов, где показатели экономического неблагополучия напрямую увязываются с неблагополучием духовной и культурной сферы.

Представленный анализ распределения группы региональных показателей предполагает, что они вместе и по отдельности могут рассматриваться в качестве критерия социального неблагополучия, однако для анализа были выбраны толь-

ко такие показатели, в генезе которых потенциальную значимость имеют культурная и духовная составляющие.

Окончательные выводы о роли социокультурного этиологического компонента в развитии регионов могут быть сформулированы только при оценке влияния других причинных механизмов. В то же время отличительные характеристики социокультурного пространства допустимо оценивать и как причину, и как результат происходящих в регионе социальных преобразований. Указанные ограничения не влияют на правомочность постановки вопроса о действии исторических детерминант в формировании социокультурной дифференциации регионов России.

В работе использованы официальные статистические данные по регионам РФ за 2011 год, опубликованные в статистических сборниках Федеральной службы Государственной статистики (Росстата) [6; 7; 13].

В *таблице* представлены региональные медико-демографические и социальные показатели, которые связаны с социальными болезнями и являются проявлением неблагополучия в культурной и духовной сферах. Представлено ранжирование Федеральных округов по уровню каждого из показателей.

Рассматриваемые показатели социокультурного пространства демонстрирует устойчивую дифференциацию по оси «Запад-Восток» (с учетом характера административного деления страны его можно обозначить как градиент «Центр-Восток»). Примечательно, что полярные позиции устойчиво занимают Северо-Кавказский и Дальневосточные округа. Сибирский федеральный округ чаще занимает предпоследнюю ранговую позицию, а Уральский по уровню своих показателей чаще находится посередине между восточными и западными территориями России (за исключением нескольких показателей). Разбеж-

Таблица. Медико-демографические и социальные показатели (и ранговая позиция региона в порядке их возрастания) по федеральным округам Российской Федерации за 2011 год

Федеральные округа	Северо-Кавказский	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Республика Саха	Разница показателей Центрального и Дальневосточного округов, %	
Заболееваемость туберкулезом	44,6 (I)	47,8 (II)	52,0(III)	70,3(V)	62,7(IV)	86,6(VI)	109,5 (VII)	122,4 (VIII)	81,5	60,9	
Контингенты больных сифилисом	88,9 (I)	154,4(IV)	176,2(V)	194,9(VI)	153,5(III)	119,2(II)	261,3 (VII)	295,1 (VIII)	197,5	47,7	
Контингенты больных алкоголизмом	589 (I)	1399(V)	1154(II)	1191(III)	1523(VII)	1184(IV)	1217 (VI)	1838 (VIII)	1689,2	23,9	
Контингенты больных наркоманией	169 (I)	173(II)	177(III)	232(IV)	231(V)	266(VI)	324 (VIII)	273(VII)	90,5	36,6	
Смертность от внешних причин (2012 г.)	63,9 (I)	111,8(III)	131,6(IV)	107,5(II)	154,5(V)	156,9(VI)	181,3 (VII)	184,4 (VIII)	171,3	39,4	
Разводимость на 1.000 населения	2,6 (I)	4,5(III)	5,1(V)	4,7(IV)	4,4(II)	5,5(VII)	5,2(VI)	5,8(VIII)	5,0	22,4	
Преступность	764 (I)	1465(III)	1607(IV)	1397(II)	1643(V)	2077(VII)	2176 (VIII)	2061(VI)	1578	28,9	
Аборты на 1000 женщин детородного возраста	17,2 (I)	23,5 (II)	30,8 (IV)	25,1 (III)	32,6 (V)	41,5 (VII)	40,6 (VI)	43,7 (VIII)	45	46,2	
Смертность в трудоспособном возрасте на 1000 чел. населения соответствующего пола и возраста муж. жен.	муж.	4,9 (I)	8,4(III)	9(IV)	7,9(II)	9,6(VI)	9,1(V)	10,4 (VII)	10,8 (VIII)	10,0	22,2
	жен.	1,3 (I)	2,2(III)	2,6(V-VI)	2,1(II)	2,5(IV)	2,6(V-VI)	3,1 (VII)	3,3 (VIII)	2,7	33,3
Примечание: - округа размещены в порядке возрастания средней ранговой позиции по уровню показателей социального неблагополучия; - все показатели рассчитаны на 100. 000 чел. населения, за исключением отмеченных отдельно.											

ка в уровне показателей других округов чаще незначительна, а их ранговая позиция неустойчива и меняется в диапазоне между полярными территориями.

При оценке средних значений ранговых позиций, рассчитанных по всем показателям, округа в порядке возрастания уровня показателей социального неблагополучия разместились в следующем порядке: 1) Северо-Кавказский; 2) Центральный; 3) Северо-Западный; 4) Южный; 5) Приволжский; 6) Уральский; 7) Сибирский; 8) Дальневосточный.

Выявленная полярность между Северо-Кавказским и Дальневосточным округами имеет существенное теоретическое значение, поскольку оба округа относятся к так называемым «депрессивным» регионам, имеющим низкий потенциал к модернизации [14]. Более того, многие

из показателей экономического развития (уровень доходов, уровень безработицы) в Северо-Кавказском округе самые неблагоприятные в стране, что вызывающе контрастирует с представленными результатами ранжирования.

Оба округа представляют фронтальные территории России, однако их историческое и этно-демографическое содержание качественно отличается. Сравнение между этими регионами в большей степени становится вариантом сравнительного анализа социокультурного пространства разных этнических групп, объединенных границами одной государственной и политической системы. В рамках данного исследования наибольший интерес имеет характер дифференциации показателей между полярными регионами, где в составе населения доминируют русские, поэто-

му отдельно сопоставлялись показатели Центрального и Дальневосточного округов (см. табл.).

Характер представленных межрегиональных различий может служить примером своеобразия социокультурного пространства фронтальных территорий России, их многоплановой дифференциации с центральными территориями. Статистические данные позволяют наблюдать, как отличительные регионы проявляют свою уникальность и сохраняют социокультурную специфику в ходе истории.

Следует ожидать, что представленные межрегиональные отличия имеют устойчивый характер в историческом измерении, т. е. причины, их обуславливающие, действуют регулярно и не подвержены значимым флюктуациям. Между Центральным и Дальневосточным округами в период с 1990 по 2011 год по уровню разводов и уровню преступности наблюдалась устойчивая межрегиональная дифференциация. Так, в 1990 году различия по этим показателям между двумя округами соответственно составляли 20% и 48%, в 2000 году – 10% и 40%, а в 2011 году – 22% и 29%.

Более детальный анализ показателей по регионам Дальневосточного округа демонстрирует неравномерность их распределения. Такое крупное национальное образование, как Республика Саха (Якутия), по показателям социокультурного пространства заметно выделяется в положительном отношении среди других регионов Дальневосточного округа, что еще раз подтверждает значимость этнического компонента в формировании отличий социокультурного пространства региона (см. табл.). По аналогии с Северо-Кавказским регионом тут можно говорить о своеобразии этнокультурного пространства Республики Саха, однако в отличие от соседних регионов округа эта республика демонстрирует устой-

чивый характер модернизации и уже не может быть отнесена к «депрессивным» территориям [11].

Ключевым для понимания проблемы является представление о значимости социально-экономических факторов регионального развития и роли экономического благополучия населения в процессе освоения периферических территорий. Широко распространено мнение о том, что централизованное вложение средств в экономику Дальневосточного региона, в его инфраструктуру, в социальное и жилищное строительство автоматически обеспечит решение многих из его проблем, в первую очередь связанных с ростом населения и его оседлостью. Однако подобные представления о главенстве экономического фактора в процессе освоения земель и их дальнейшего развития имеют принципиальные ограничения, они на задний план отодвигают роль социокультурного компонента и состояние духовной среды в обществе. Перефразируя известное изречение Ницше: «Человек сначала должен решить – Зачем? А потом уже – Как?» – следует считать, что никакие экономические вливания сами по себе не исправят пороки человеческого сознания и не улучшат духовный климат в регионе (хотя и могут маскировать изъяны). Главное слово остается за людьми, осваивающими территорию (тут за «человеком фронта»), их жизненной мотивацией и готовностью к преобразованиям (прежде всего, к модернизации сознания), а экономическое благосостояние, их личное и всего региона, становится продуктом этой совместной работы – работы их духа. В этом же локальном ключе могут рассматриваться классические идеи протестантской этики Макса Вебера о роли аскезы (духовного фактора) в процессе становления капиталистического предпринимательства.

Косвенным подтверждением такого мнения служат результаты анализа региональных социоэкономических показателей, которые указывают на то, что причины социокультурного и духовного неблагополучия населения регионов напрямую не связаны с их экономическим благосостоянием. Наиболее показательным тут является представленное выше сравнение с Северо-Кавказским регионом. Исследователи, пробуя доказать обратную позицию, неизменно сталкиваются с ограничениями в поиске прямых зависимостей между этими процессами [напр., 8].

Важность стратегии «первичности человека и вторичности экономики» уже не раз оглашалась в планах освоения Дальнего Востока, однако ее реализация далека от воплощения [2, с. 28]. Выполнение очередных государственных программ по полномасштабному освоению этого региона намечено на 2025 год («Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»). Но предложенная стратегия освоения отдаленных территорий во многом остается «технократичной», она не ориентирована на приоритетное значение «укоренения населения, т. е. на формирование условий для постоянного коренного населения» [2, с. 28].

Очевидно, что решение проблемы освоения отдаленных территорий буквально вязнет в клубке общенациональных проблем России, большинство из которых относится к сфере социальной культуры и духовности. Существует определенная дилемма с решением основного вопроса – «Кто же будет осуществлять формирование условий для постоянного населения Дальнего Востока?» Если такое формирование условий на местах будет осуществляться централизованно, согласно составленным свыше директивам, без деятельного участия местного населения, то

оно обречено на провал. Если же воскреснет дух созидания и в процесс освоения включатся широкие массы, то это будет означать получение и приобретение свобод в ведении местной политики, и тогда возрастут риски широкомасштабной децентрализации. В любом из случаев решение проблем отдаленных территорий является производной от решения общенациональных проблем современной России.

Исследование продемонстрировало сочетанный характер региональной дифференциации комплекса социальных и медико-биологических показателей по регионам России, что позволяет думать об исторически обусловленном своеобразии социокультурного пространства в отдельных регионах. Это своеобразие проявляется в различных сторонах ментальной сферы жизни регионов и во многом определяет их дальнейшую судьбу.

Основные положения теории фронта (Ф. Дж. Тернера) могут находить применение в выстраивании теоретической интерпретации устойчивой дифференциации социокультурного пространства регионов России, объясняя возникновение межрегиональных различий ходом исторической колонизации территорий и формирования в историческом ареале фронта особых социальных и этнических региональных сообществ.

В ряде регионов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока очевидную значимость в формировании социокультурного пространства и духовного климата играют факторы национальной и этнической принадлежности, местные культурные традиции и религиозные верования.

Различие показателей социокультурного пространства центра России и территорий Сибири и Дальнего Востока указывает на существование культурного и духовного неблагополучия на отдален-

ных от центра территориях. Это неблагоприятие в сфере ментальности и духовности является одним из проявлений

«незакрытости» исторического фронта на восточных территориях – проблемой недоосвоенности этих земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев, Ю. А. Как нам удержать наш Дальний Восток? [Текст] / Ю. А. Авдеев, С. Г. Пушкарев // Известия Восточного института. – 2011. – № 2. – С. 125–134.
2. Аносова, Л. А. Российский Дальний Восток: стратегия развития в XXI веке [Текст] : монография / Л. А. Аносова ; отв. ред. Л. А. Аносова. – М. : Институт экономики РАН, 2014. – 214 с.
3. Басалаева, И. Л. Критерии фронта: к постановке проблемы [Текст] / И. Л. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – Режим доступа : <http://www.teoriapractica.ru>
4. Воробьева, Т. В. Восточный Фронт России [Текст] / Т. В. Воробьева // Вестник КРАУНЦ Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 1. – С. 5–14.
5. Давыдов, А. А. Индекс социального неблагоприятия [Текст] / А. А. Давыдов // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 118–128.
6. Естественное движение населения Российской Федерации за 2012 год [Текст]. – М. : Росстат, 2013. – 56 с.
7. Здравоохранение в России 2013 [Текст] : стат. сб. – М. : Росстат, 2013. – 384 с.
8. Косолапов, А. Б. Влияние социально-экономических факторов на показатели смертности мужского населения на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] / А. Б. Косолапов // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 12. – Режим доступа : <http://web.snauka.ru/issues/2012/12/19047>
9. Левцун, А. Показатели социального неблагоприятия украинских регионов [Текст] / А. Левцун, Н. Лысак // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2000. – № 1. – С. 99–107.
10. Мамардашвили, М. Сознание и цивилизации [Текст] / М. Мамардашвили. – М. : Логос, 2004.
11. Немировская, А. В. Актуальное состояние и условия модернизации в регионах Дальнего Востока [Текст] / А. В. Немировская // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – С. 74–82.
12. Немировская, А. В. Социокультурные особенности фронта России [Текст] / А. В. Немировская // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 80–88.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 [Текст] : стат. сб. – М. : Росстат, 2012. – 990 с.
14. Яковенко, Н. В. Депрессивные регионы России: методология, теория, практика [Текст] / Н. В. Яковенко. – Иваново : ГУП ИО «Ивановский издательский дом», 2013. – 205 с.
15. Morgenstern, H. Ecologic studies in epidemiology: concepts, principles, and methods [Text] / H. Morgenstern // Annu Rev Public Health. – 1995. – Vol. 16. – P. 61–81.
16. Turner, F. J. The Significance of the Frontier in American History. [Electronic resource] / F. J. Turner. – 1893. – Available at : http://en.wikipedia.org/wiki/The_Significance_of_the_Frontier_in_American_History
17. Turner, F. J. Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays [Text] / F. J. Turner ; ed. by J. Faragher. – New Haven : Yale Univ. Press, 1998.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандрычин Сергей Вацлавович – кандидат социологических наук, врач-кардиолог, отделение кардиологии. Минская областная клиническая больница. Республика Беларусь, 223340, Минский район, Агродорок лесной, д. 40. E-mail: kandrycz@yandex.ru.

SOCIAL AND CULTURAL GRADIENT “CENTER – EAST” AS UNCLOSED FRONTIER OF RUSSIA

The study aims to investigate spatial regularities in the distribution of social and demographic indicators in federal districts of the Russian Federation in 2011. The research is based on the data of social and medical statistics from official publications of Federal State statistics Service. The author evaluates the content of sociocultural space of different regions in regard to certain indicators showing problems in sociocultural sphere. The indicators include the social indices (crime rate, divorce rate) and medical indices (prevalence of tuberculosis, syphilis, alcoholism, addiction, abortion, violent mortality and total mortality rate in men of working able age). The work is done in line with regional comparative studies (ecological studies). The author compares and ranks federal districts in accordance with their indices. The research reveals combined nature of interregional differentiation; Northern-Caucasus Federal District has the lowest indices in social and medical sphere, Far Eastern Federal District is on the opposite pole. Processes of the historic colonization of these remote areas differed in temporal, social, and demographic aspects from the development of central territories, thus the reference to historic evaluations for the explanation of differences in sociocultural space is justified. As a rationale for the approach the author uses some of the concepts of the Frontier Thesis (F.J. Turner). The author suggests that the role of national and ethnocultural factors is determinant in the formation of socio-cultural indicators in Northern-Caucasus and Far Eastern Federal Districts. This factor must reflect in the process of international comparison. The key moment of the research is the studying of the complex polarity between Central and Far Eastern Federal Districts. All the indices in Far Eastern District are more negative: the biggest difference is in prevalence of tuberculosis (60,9%), the smallest difference is in mortality rate of men of working able age – 22,2%. The differentiation in medical indices of social ill-being along the axis “Center-East” assumes importance of factors of social environment formed during historical formation and development of different regions in Russia. The author offers an opinion that the factor of sociocultural transformation is the top condition for the modernization of Russian regions.

Comparative analysis, social and cultural space, social and medical indicators, regions of Russia.

REFERENCES

1. Avdeev Yu. A., Pushkarev S. G. Kak nam uderzhat' nash Dal'nii Vostok? [How Can We Preserve Our Far East?]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 2011, no. 2, pp. 125–134.
2. Anosova L. A. *Rossiiskii Dal'nii Vostok: strategiya razvitiya v XXI veke : monografiya* [The Russian Far East: Strategy of Development in XXI century : Monograph]. Editor in chief L. A. Anosova. Moscow : Institut ekonomiki RAN, 2014, 214 p.
3. Basalaeva I. L. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Criteria for Frontier: Statement of the Problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Theory and Practice of the Social Development: Digital Scientific Journal], 2012. Available at : <http://www.teoriapractica.ru>
4. Vorob'eva T. V. Vostochnyi Frontir Rossii [The Eastern Frontier of Russia]. *Vestnik KRAUNTs Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Series “Humanities”], 2012, no. 1, pp. 5–14.
5. Davydov A. A. Indeks sotsial'nogo neblagopoluchiya [Index of Social Trouble]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1995, no. 10, pp. 118–128.
6. *Estestvennoe dvizhenie naseleniya Rossiiskoi Federatsii za 2012 god* [The Natural Population Movement in the Russian Federation in 2012. Statistical Yearbook]. Moscow : Rosstat, 2013, 56 p.
7. *Zdravookhranenie v Rossii 2013 : stat. sb.* [Health Care in Russia. 2013. Statistical Yearbook]. Moscow : Rosstat, 2013, 384 p.

8. Kosolapov A. B. Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na pokazateli smernosti muzhskogo naseleniya na Dal'nem Vostoke Rossii [Influence of the Social and Economic Factors on the Death Rate of Men on the Far East of Russia]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovations], 2012, no. 12. Available at : <http://web.snauka.ru/issues/2012/12/19047>
9. Levtsun A., Lysak N. Pokazateli sotsial'nogo neblagopoluchiya ukrainskikh regionov [The Indices of Social Trouble of the Ukrainian Regions]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methodology, marketing], 2000, no. 1, pp. 99–107.
10. Mamardashvili M. *Soznanie i tsivilizatsii* [Consciousness and Civilizations]. Moscow : Logos, 2004.
11. Nemirovskaya A. V. Aktual'noe sostoyanie i usloviya modernizatsii v regionakh Dal'nego Vostoka [Current State and Background for Modernization in the Far East Regions]. *Sotsiokul'turnye i prirodno-resursnye faktory sbalansirovannosti modernizatsii regionov Rossii. Materialy Kh Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Sociocultural and Natural Factors of Balance of the Modernization in the Russian Regions. Proceeding of the X All-Russian Research-to-Practice Conference]. Perm' : Perm. gos. nats. issled. un-t, 2014, pp. 74–82.
12. Nemirovskaya A. V. Sotsiokul'turnye osobennosti frontira Rossii [Sociocultural Peculiarities of the Russian Frontier]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 4, pp. 80–88.
13. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012 : stat. sb.* [Regions of Russia. Social and Economic Indicators. 2012. Statistical Yearbook]. Moscow : Rosstat, 2012, 990 p.
14. Yakovenko N. V. *Depressivnye regiony Rossii: metodologiya, teoriya, praktika* [The Depressive Regions of Russia: Methodology, Theory, Practice]. Ivanovo : GUP IO «Ivanovskii izdatel'skii dom», 2013, 205 p.
15. Morgenstern H. *Ecologic studies in epidemiology: concepts, principles, and methods*. Annu Rev Public Health, 1995, Vol. 16, pp. 61–81.
16. Turner F. J. *The Significance of the Frontier in American History*. 1893. Available at : http://en.wikipedia.org/wiki/The_Significance_of_the_Frontier_in_American_History
17. Turner F. J. *Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays*. Ed. by J. Faragher. New Haven : Yale Univ. Press, 1998, 88 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kandrychyn Sergei Vatslavovich – Ph.D. in Sociology, Cardiologist, Department of Cardiology, Minsk Regional Clinical Hospital. 40, Agrotown Lesnoy, Minsk District, 223340, Republic of Belarus. E-mail: kandrycz@yandex.ru.